

За 25 лет деятельности *Baltic International Bank* мы с его главным акционером Валерием Белоконем сделали не одно интервью. И всякий раз он умудрялся нас удивить. Вот и сейчас, в непростой для латвийских банков период, он не жалуется, не ищет виноватых, а концентрируется и пытается отстоять не только свой бизнес, но целую отрасль, — и перед клиентами, и перед правительством Латвии, и перед международными институтами.

Не спугни свою интуицию

Валерий, вы были совсем молодым человеком, когда в 1993 году получили банковскую лицензию. Вас не пугала ответственность? Все-таки банк — это чужие деньги...

Мне было 33. Как у Высоцкого: «А в 33 распяли, но не сильно...» Наверное, нас спасало то, что мы не знали, что это такое.

А интуиции вы доверяете?

Обязательно. Но что такое интуиция? Это очень высокая концентрация опыта. Вопрос, как ее ни с чем не спутать, услышать, не испугаться. Когда начинаешь думать, как ловить мяч, обязательно упустишь, не поймаешь. Так что она материальна.

Но финансами вы стали заниматься еще до банковской деятельности...

Если искать истоки, то у меня всегда была тяга к новому. Впервые я это почувствовал в газете «Советская молодежь», когда работал в отделе спорта. Тогда уже началась перестройка, возникли кооперативы, частные такси... И так получилось, что писать на новые темы поручили мне. Я тогда многое для себя открыл и понял, что мне все это очень нравится.

В итоге благодаря кооперативному движению сам начал заниматься бизнесом. А в 1990-м, за год до независимости, мы с партнерами открыли первую на территории СССР биржу, кото-

ВАЛЕРИЙ БЕЛОКОНЬ: «ПАТРИОТИЗМ НАЧИНАЕТСЯ С УВАЖЕНИЯ К СЕБЕ»

Сегодня потребность в личностях очень высока. Все ищут лидера — это жизненно необходимо.

рая стала заниматься ценными бумагами, акциями, которые котировались на западных биржах. Первая деловая газета «Коммерсант», незадолго до этого созданная Володей Яковлевым, включила нас в список компаний, о которых обязательно надо писать.

Мы тогда на «девятке» объездили семь бирж Европы. Перед этим написали туда письма, что *Baltic Stock Exchange* хочет встретиться с руководством, и нас приняли пять вице-президентов — в Женеве, Париже, Франкфурте, Люксембурге и Вене. А в австрийском банке *Creditanstalt AG*

открыли брокерские корсчета для ценных бумаг.

По сути мы были брокерской компанией. Но с достаточной долей самоуверенности. Чтобы солиднее выглядеть, сняли помещения в Доме конгрессов, (тогда это был Дом политпросвещения) и стали давать рекламу в газету «Известия» на все постсоветское пространство. Это производило впечатление. Люди думали, раз им разрешили оперировать ценными бумагами, да еще в Доме политпросвещения, значит, можно, — и это работало.

А потом на первые заработанные

деньги, к удивлению многих, отправился на учебу в *University of Massachusetts*. Заплатил немереную по тем временам сумму — 40 тысяч долларов! Когда я туда приехал, то из частников оказался один, все остальные были связаны с государственными, нефтью, заводами.

Учеба в Америке вправила вам мозги?

Мозги до сих пор вправляются. Но заплатить стоило только за то, чтобы увидеть, как поставлена система образования, как там к людям относятся, что учат. Когда я увидел список предметов, которые на 30–40% состояли из *human resource* — философия, психология, торговые переговоры, я подумал: о, меня обманули, где бухгалтерия, ценные бумаги, цифры и графики? Но через время я понял, что все правильно, в бизнесе, в первую очередь, надо уметь работать с людьми. И это мне очень пригодилось в жизни.

То есть к банку вы подошли естественным путем?

Мне понравилось работать с финансами. Мы подали заявление на лицензию в 1992 году, а получили в 1993-м. Но с 1993 года выросла сумма минимального уставного капитала. До этого он был 25 тысяч латов, а тут стали требовать 500 тысяч. Огромная разница, таких денег у нас не было. И мы вступили в долгий спор с Банком Латвии, что имеем право внести 25 тысяч, потому что документы на лицензию подавали раньше. В конце концов они сдались, но сказали, чтобы к концу года мы обязательно внесли 500 тысяч. Лицензию мы получили, а к концу года сказали: чем мы хуже других, которым дали на переход от 3 до 5 лет. С тех пор я всегда говорю, что надо идти до конца, чтобы потом не жалеть, что что-то упустил, не сделал.

Главное — поверить в себя

За годы своего существования банковская отрасль Латвии пережила немало сложных периодов. Какой из них был самый тяжелый?

Опыт подсказывает, что он еще будет. Каждый раз, когда ты думаешь, что ну вот, теперь-то ты все сделал, вдруг меняются правила игры и возникают очередные препятствия. В 1995 году, когда рухнул *Bank Baltija*, казалось, что это конец света. Мы же маленькая страна, все связано. Но пережили. Потом наступил 1998-й, ГКО. Люди, воспитанные на доверии к государству, вдруг поняли, что бывает так, что государство не платит. Тоже ужасно.

Потом были другие сложности. Время от времени появлялись группы людей, которые очень хотели приобрести наш банк. И когда мы отказывались, они пытались найти разные формы

Мы устроили презентацию в Вашингтоне для Международного валютного фонда. Рассказывали, как мы проверяем клиентов, по каким критериям и как будем проверять впредь.

давления. Мы с этим росли, учились правильно отвечать, чтобы такие атаки отбить. Последний раз такое случилось в 2012 году. Я думаю: Боже, когда же это кончится! Был и 2008-й, когда все поняли, что не только Россия может не заплатить. А до этого в 2001-м возникла тема терроризма, которая полностью поменяла отношение к деньгам. Появилась необходимость все жестко контролировать.

Исторически, после распада Советского Союза, большинство латвийских банков работали с нерезидентами. 15 новых стран, 15 новых валют, у нас один язык общения, и мы естественно заняли эту нишу. Но на каком-то этапе нашей политической элите стало выгодно, — кому-то из-за очередных выборов, кому-то из карьерных соображений, — ругать банки и нерезидентов. Хотя в каждой стране есть большой не-

резидентский капитал. В Штатах при Сенате даже есть комиссия, которая следит за нерезидентским капиталом. В конце концов, с 2004 года мы находимся на границе Евросоюза и России. Если идет какая-то часть контрабанды через границу, то нужно не границу закрывать, а бороться с контрабандой!

И я считаю, мы здесь многое можем сделать. Но опять же — некоторые группы чиновников вдруг решили, что банки не смогут отделить «хорошие» деньги от «плохих», что жажда наживы у банкиров возьмет верх. Возможно, эти люди просто ошибались, или им неудачные примеры попадались в жизни, но факт налицо — мы это подхватили и начали сами себя критиковать. А в итоге весь мир в это поверил.

Да, были в наших банках некачественные сделки. Но мы их исправляли. И много хорошего сделали. что-

В итоге мы сами создали себе незаслуженно плохой имидж. А сегодня что происходит? Грузия не принимает платежи из Латвии, Кипр не принимает, там не говорят: такой-то банк, а — из Латвии. Люди не разбираются, они просто не хотят головной боли. А дальше было бы смешно, если бы не было так грустно. Клиент говорит: я заберу деньги. Мы отвечаем: имеешь право, но у тебя в Грузии их не примут. Он говорит: а я открою счет в Беларуси, грузины оттуда принимают. Представляете? Правда, когда эмоции улеглись, он все-таки понял, что лучше нас его нигде не обслужат, и остался.

Так вот каждому гражданину Латвии есть над чем задуматься: откуда берутся налоги, как формируется бюджет, почему нельзя все время рассчитывать на дотации. Страна должна сама себя кормить за счет честного, прозрачного бизнеса. А дотации — это бонус.

Банкам даны два месяца на поиск новой модели бизнеса. Это реально?

Не всегда нужно искать новую модель, иногда достаточно разобраться, что у тебя в хозяйстве происходит. Для начала давайте выясним, что такое нерезидент. Клиент с Востока или не только? Помните, как все бежали в организацию экономического сотрудничества и развития (*OECD*), и ругали банки, которые якобы тормозят процесс. Так вот, в *OECD* входит Южная Корея, которая в этом году признана Евросоюзом офшорной зоной. Это резидент или нерезидент?

Или возьмем Евросоюз. Если владелец фирмы — гражданин Германии, контролируется немецкими финансовыми органами, платит 100% налогов, но по происхождению — из Казахстана, уже возникает вопрос, и мы начинаем спорить. Или кто-то говорит, что из стран Евразийского экономического сотрудничества нельзя. Хорошо, а 50 на 50 с немцами можно? А 38 на 62? А с видом на жительство, которое выдали в Латвии? А с видом на жительство Мальты? А с двойным гражданством?

То есть возникает масса вопросов. И если они будут сформулированы неточно, снова появится поле для трактовки, коррупции и т.д. Поэтому нужна четкая законодательная база, все должно быть сделано с пониманием. Банки сейчас встречаются с политиками, высказывают свои точки зрения, помогают эту базу подготовить.

Самое главное — это вопрос налогов и прозрачной деятельности. Сидит, предположим, какой-нибудь казахстанец или украинец где-нибудь в Германии, платит абсолютно все налоги, чи-

С любимой Катей на любимом Harley Davidson

Я за то, чтобы устанавливать правила, идти к лучшему, но говорить, что мы не справимся, мне кажется, категорически нельзя. По одной причине — мы можем справиться! Чем мы хуже других?

бы их не было впредь. Это называется «болезнь роста». Ведь никто не собирал статистику, сколько через нас не прошло «плохих» денег. Я за то, чтобы устанавливать правила, идти к лучшему, но говорить, что мы не справимся, мне кажется, категорически нельзя. По одной причине — мы можем справиться! Чем мы хуже других?

Государство — это мы

Вам не кажется странной одна вещь — до этого нам все время говорили, что опасность нерезидентов в том, что они способны одновременно вывести свои деньги из банков и обрушить экономику Латвии. А вот забрали почти 2 млрд евро — и экономика не упала. Значит, это была ложная угроза?

Мне кажется, негативный эффект экономика еще почувствует. Странно другое — сегодня те же люди убеждают: ничего страшного, что деньги уходят из страны. Вот это уже явная манипуляция! Но я хочу подчеркнуть: государство — это все мы. К сожалению, кто-то не воспринял всерьез, кто-то не допонял, чем может обернуться негативная информация, и пошло, пошло... В том числе сами банки не учли серьезности проблемы.

стый и прозрачный, сдает все аудиторские отчеты — и что с ним делать? Сегодня у нас в Латвии нет однозначного ответа. То есть в Германии этот человек работает. В Англии работает, там к нему не предъявляют претензий. А у нас просто нет закона. И я не знаю, появится он в мае или нет.

Нельзя бежать впереди паровоза. Либеральная пресса постоянно критикует Британию, Америку за то, что они принимают многие деньги, которые не следовало бы принимать. Я не думаю, что там сидят негодяи, которые хотят всех обмануть и нажиться за наш счет. Просто они понимают, что это сложное, щепетильное дело, с которым следует обходиться очень осторожно.

Как преодолеть кризис доверия

Что ваш банк, лично вы сделали, чтобы изменить ситуацию?

Как только наступил кризис доверия банкам, возник кризис доверия стране. Это уже прилипло к Латвии. Что сделали мы? Я за три недели три раза был в Вашингтоне. Хотя напрямую нашего банка ничего не касается. Но мы обратились к американским аудиторам, которые у нас работали в 2016 году, и сказали: к нам, возможно, будут приходить новые клиенты из ABLV, возможно, из других банков, и мы бы хотели, чтобы вы проверяли этот кейс. Мы умеем справляться с подобными задачами, вы нас знаете, вы нас проверяли и видели результаты. Давайте и дальше работать вместе. Это первое.

Шато семьи Форбс, Нормандия, Франция.

История одного сейфа: двадцать лет спустя

Что такое масштаб личности? Например, на что опирался авторитет Уинстона Черчилля? Не на штыки, не на власть, не на страх. На что — то другое.

Второе. Мы устроили презентацию в Вашингтоне для Международного валютного фонда. Рассказывали, как мы проверяем клиентов, по каким критериям и как будем проверять впредь. Наши американские коллеги тоже участвовали в этой презентации. И самым делом мы отвечали за всю страну. И были единственным банком, который это сделал. Это была наша собственная инициатива, нас никто не заставлял, не давал указаний сверху.

Почему в МВФ? Потому что там волнуются за экономическую ситуацию в целом и они благодарные слушатели. Причем мы пригласили не только ответственных за Балтию, а более широкий круг. 30 минут наши сотрудники делали презентацию и 45 минут отвечали на вопросы.

Во время встречи мой коллега сказал: если ABLV будет что-то продавать, мы готовы покупать. А те спрашивают: а что там покупать, они же банкроты. Такую информацию они получили из ЕЦБ. Тогда мой коллега начинает докладывать по балансу, что деньги у них есть. Можно сказать, отдувается и за ABLV, и за всю страну, уходя от ответа, почему ЕЦБ это сделал. Там с интересом слушали. Это была открытая и хорошая беседа.

Потом мы предложили нашей Комиссии рынка финансов и капитала (FKTK) — а можно, мы сделаем вам презентацию о том, как будем проверять? И тоже вместе с американскими аудиторами. Они очень удивились, но сказали, конечно, можно. И задали массу вопросов. Обсуждали в том числе клиентов ABLV: если они будут приходить, то мы сделаем так и так. Говорили о наших рисках и требуемых 5%.

Я скажу больше: мы сделали презентации в других международных институтах и нас слушали. Мы рассказывали, как совершаем проверки, как все это видим. Можно сказать, представляли не только свой банк, но и страну.

Клиенты «чистые» и «нечистые»

А откуда вообще взялась цифра нерезидентов 5%?

Ходят слухи, что кто-то порекомендовал. Не знаю, я в дебатах на эту тему не участвовал. Но почему-то у меня складывается впечатление, что не могли американские коллеги назвать такую цифру. Ну, мог кто-то спросить: а 5% хорошо будет? Ему ответили: ну, если вы так считаете, то пожалуйста. Вот где-то к этому я склоняюсь.

В любом случае я думаю, этот кри-

Книга — не мессенджер, она живая, в ней есть душа, и я за то, чтобы пространство книг расширилось.

На презентации уникального альбома Terra Mariana 1186-1888. На фото Валерий Белоконь (справа) и глава Римско-католической церкви в Латвии архиепископ-митрополит Збигнев Станкевич (слева).

зис пойдет на пользу нашим политикам и чиновникам, которые впервые об этом задумались, в том же FKTK. Да, сейчас пойдут разные предвыборные дела. Но в принципе им придется с этой темой серьезно разбираться. Потому что это вопрос и их репутации. Но когда чиновники видят работу с нашей стороны, нашу готовность уменьшить риски, возникает больше понимания.

Так что если говорить о 5%, то если мы покажем, что к 2020 году у нас будет 10%, правда чего, пока неизвестно, то будет хорошо. Все же все понимают. Надо действовать пошагово. Мы не спорим о 5%. Давайте сначала разберемся, что это такое. Пока понятно, что это политический лозунг. Но сделаем и 5%, если надо. Кто хочет работать, сделает.

Но все, наверное, хотят?

Что такое хотеть? Хотеть постарому? Или по-новому? Насколько мы убедим, а клиент поймет — что надо все-таки меняться, что есть определенные правила, которые необходимо соблюдать. Вопрос не в количестве нерезидентов — в одной стране их будет 5%, в другой 50%. А в том, что во всем мире происходит перемены.

Мы должны видеть реальную деятельность клиента. Его годовой отчет.

А дальше будем бороться. Почему мы американцев взяли на помощь? Выработываем для себя, как будем работать с «неудобными» клиентами. Куда сейчас идет узбекским или азербайджанским инвесторам, которые зарегистрировали в Латвии свои компании? Им никто не стремится открывать счета. А потом налогов у государства не будет. Во всем должен быть здравый смысл. Мы, как и все, заинтересованы в рынке. Если я найду сегодня хорошего клиента из Узбекистана или с Украины, который хочет честно и прозрачно работать, то большая вероятность, что он останется с нами и потом.

За последние годы Baltic International Bank многое сделал для привлечения западных клиентов. Какой резон открывать у нас свой счет французам или немцам?

Да, действительно мы очень неплохо развернулись в Европе, в частности, на немецких и австрийских рынках. А почему нет? Сегодня мы все вместе находимся в Евросоюзе и благодаря компьютеру можем обслуживать любого удаленного клиента. Люди к нам приходят, прежде всего, за счет качественного сервиса.

Мир становится настолько единым, что сделку между Новой Зеландией

и Канадой не обязательно оформлять в одной из этих стран, мы можем ее взять на себя. В той же Новой Зеландии сделка на 100 тысяч может быть не интересна местным банкам, клиента там могут не очень внимательно обслужить, заставят ехать в головной офис, там миллионами мыслят и т.д. А мы вполне эту нишу можем взять себе.

Сильная личность — это не сильная рука

Насколько, по-вашему, нам не хватает сегодня ярких личностей — в политике, бизнесе, управлении государством?

Сегодня потребность в личностях очень высока. Все ищут лидера — это жизненно необходимо. Но часто звучит термин: сильная рука. Я думаю, это подмена понятий. Нужен авторитет, который бы не только указал, а четко объяснил, куда мы идем и зачем. Вот этого не хватает. Причем многое происходит от недостатка доверия к разным личностям — и в политике, и в бизнесе.

У вас были в жизни такие авторитеты?

Для меня самую большую роль в жизни сыграли книги. Они меня познакомили с такими масштабными личностями, как Уинстон Черчилль, Бенджамин Франклин, которые меня бук-

вально заворожили. Хотя на каких-то этапах были и люди. Например, до сих пор вспоминаю своего учителя физики Виктора Николаевича Озолинша. По образованию он был инженер, но именно от него я впервые услышал про *National Geographic*. Мне совсем не нравилась физика, а нравился его подход к жизни.

А в профессиональном плане?

В 1990 году, когда я стал заниматься финансами, мне не на кого было ориентироваться. Тогда я впервые услышал фамилию Рокфеллер. В СССР не было банков, были распределительные системы.

Вы много лет знакомы с Кристофером Форбсом, наследником издательского бизнеса почти со 100-летней историей, опытным человеком, да, наверное, не только с ним. Как-то он на вас влияет?

У любого человека ты берешь все, что тебе интересно. Но это происходит неосознанно. Наверное, надо уметь слушать. С Кристофером Форбсом у нас сложились теплые, можно сказать, дружеские отношения. С моей замечательной спутницей жизни Екатериной мы пару раз в год обязательно встречаемся с Кристофером и его женой Астрид, с ними всегда интересно и приятно. Обычно мы просто разговариваем о событиях в мире, о бизнесе и, конечно, тебе что-то открывается через этот опыт. Социальные вещи очень важны.

Что такое масштаб личности? Например, на что опирался авторитет Уинстона Черчилля? Не на штыки, не на власть, не на страх. На что-то другое. Он был многогранной личностью, технически подкованным человеком, умел складывать кирпичи, писал картины. Можно сказать, создал рукотворный *Google*, когда сотня людей из Кембриджа и Оксфорда искала ему среди тысяч томов любую справку, цитату.

А много ли глав государств, которые стали лауреатами Нобелевской премии по литературе? Наверное, Черчилль один такой. Кстати, у него потрясающий слог, он сам писал в своих мемуарах, что самое хорошее образование получил по языку. Британия — страна с неограниченной свободой слова, широкими возможностями для выступлений, на которых Уинстон Черчилль оттачивал мастерство. Люди читали, никуда не торопились, было время поговорить, подумать.

Baltic International Bank много лет поддерживает развитие латышской литературы, в частности вручение ежегодной Латвийской литературной премии (LaLiGaBa). Что значит для вас книга?

25 лет неизменные владельцы
Baltic International Bank Валерий
и Валерий Белоконь.

Книга — не мессенджер, она живая, в ней есть душа, и я за то, чтобы пространство книг расширялось. Сегодня в *Google* можно найти все, но это другое. Я бы хотел, чтобы люди остались с книгами, они стимулируют мысль, заставляют думать о сложных вещах. А почему латышский язык? Потому что это язык моей страны, он носитель его культуры, не так много людей на нем говорят, если его не поддержать, то он будет вытеснен английским, русским, и тогда не будет ни нации, ни народа.

В детстве я читал фантастическую повесть Айзека Азимова «Профессия» — о системе образования будущего, когда человеку не надо учиться читать самому, в 8 лет ему в мозг за 15 минут автоматически записываются все навыки чтения. Тогда мне это очень нравилось. А сейчас мне бы очень хотелось, чтобы

оставались люди, которые что-то производят самостоятельно, своим умом, талантом, а не ждут вставного чипа.

Что вы больше всего цените в людях, какие качества?

Конечно, важны профессионализм, честность. Но больше всего мне нравятся люди, у которых есть желание творить, проявлять инициативу. На любом, самом маленьком участке работы. **То есть для вас человек не винтик, а личность с инициативой?**

С одной стороны, я требую исполнения инструкций, в банке это важно, но с другой стороны, человек должен творить, созидать. Я когда беседую с новым сотрудником, хочу понять: как он будет свою работу делать, с душой? Безразличие в деле самое ужасное. А если у человека есть инициатива, значит, есть движение вверх.

Сегодня мы все вместе находимся в Евросоюзе и благодаря компьютеру можем обслуживать любого удаленного клиента. Люди к нам приходят, прежде всего, за счет качественного сервиса.

ванию. Зовут его Вилис Милейко, ему сейчас за 80, он каждый год приезжает в Латгалию, восстанавливает церкви, ведет большую общественную деятельность.

О рижской родине он что-то слышал от дедушки, но ничего конкретно не знал. Так вот, когда я его нашел, то написал письмо. И как мне потом рассказывал Вилис, сначала он подумал, что бедные родственники из Латвии денег хотят попросить. Но залез в интернет и понял, что денег не требуется. Решил посоветоваться с племянником, который там, в Канаде, тоже с банком связан. Тот говорит, может, шутка. В итоге ответа я не получил.

Через год я собрался в Штаты и еще раз написал, что, мол, хотел бы заехать на кладбище к дедушке. Если вы не хотите встречаться, я просто посетую могилу. И тогда мне ответили. Я приехал, меня встретила настоящая латышская семья, Вилис, который свободно говорит на 7 языках. Он мне подарил дедушкины часы на цепочке, с гравировкой, купленные в Америке, оказывается, он любил носить их в кармашке жилетки, так же, как и я. Вот такая забавная история. Я ее потом Станкевичу рассказывал, оказалось, что они с Вилисом хорошо знакомы.

В последние годы вы увлеклись яхтингом. Вам не хватает острых ощущений?

Ну, острых ощущений достаточно на работе, это другое. Да и любимый *Harley Davidson* не дает расслабиться. 5 лет назад мы с Екатериной сдали на шкиперские права и с тех пор ни одного отпуска не проводим без яхты. Даже в Новый год. Я где-то прочитал об отличии балтийского и скандинавского общества от других. У нас все связано с морем, где есть корабль, капитан, где выстраивается определенная иерархия. Здесь не рекомендуется передавать должность руководителя по наследству, здесь важно доплыть до берега. Но и на суше такое общество живет по законам моря.

Вот такие капитанские чувства я получаю на яхте. Мне приятны эти ощущения и возможность управлять ветром, это совсем другой мир. Наверное, в душе мы все хотим быть свободными людьми, и именно парусный флот дает эту иллюзию независимости, ты чувствуешь себя свободным.

Сейчас я мечтаю пройти Атлантику, но не пассажиром, а членом команды, чтобы вахту нести, как положено. Я не гонщик, я путешественник. Мне не всегда надо прийти первым, для меня важно в любом деле пройти весь путь. ○

Вы часто общаетесь с архиепископом Збигневом Станкевичем, помогаете церкви. Это душевная потребность или что-то другое?

Когда-то я нашел для себя оправдание, почему я занимаюсь деньгами. Моисей 40 лет водил людей по пустыне, преодолевая разные искушения. Вот и деньги для людей в некотором роде пустыня со своими соблазнами. Причем для финансистов это ежедневное испытание, которое не каждый выдерживает. Ты должен понять, на что ты ради них готов, чем можешь пожертвовать, что отдать. И как при этом остаться нормальным человеком. Это самый большой соблазн. И еще деньги — это доверие. Люди нам доверили свои сбережения. И если мы вдруг это не сберегли, боюсь, это скажется на карме многих поколений. Те, кто занимается день-

гами, должны это понимать.

А Станкевич — уникальный человек, мне всегда интересно с ним разговаривать, и если у нас есть возможность помочь его добрым начинаниям, мы это делаем. Тут я на все 100% уверен, что деньги идут на благо.

Знакомство с ним обусловлено, прежде всего, его личностью. Но вообще, если вспомнить семейные корни, то по маминой линии я из католической семьи. После войны бабушка умерла, дедушка оказался в Канаде, а мама воспитывалась в приемной семье. Я долго искал своих родственников и около 5 лет назад нашел. Оказалось, что они живут в Торонто, там есть семейное кладбище, где дедушка похоронен. А его племянник, то есть мой дядя, — глава католиков латышской Канады, член мальтийского ордена, врач по образо-